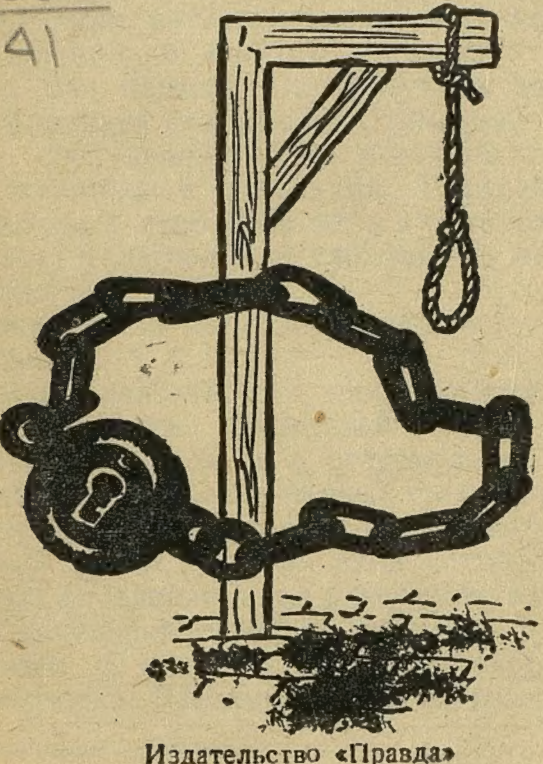
ИЗ ФРОНТОВОЙ ЖИЗНИ

И. ЭРЕНБУРГ

„НОВЫЙ ПОРЯДОК" в Курске

ГК 2395
Э 841



Издательство «Правда»
1944

18
ГК 2395
Э 841
591008

„НОВЫЙ ПОРЯДОК" В КУРСКЕ

Прошлой весной я прочел в одной немецкой газете следующее рассуждение: «В Калуге или в Калинине мы пробыли считанные недели, и русские не могли по-настоящему увидеть, что такое новый порядок...» В Курске немцы пробыли пятнадцать месяцев. Здесь мы можем изучить достижения «нового порядка».

Курск при немцах. На тротуарах много офицеров, солдат. Воровато оглядываясь, шмыгают мадьяры—идут на базар спекулировать. По мостовой плетутся изможденные женщины с салазками. Трамвай исчез: немцы сняли рельсы и отправили их в Германию.

Повсюду указательные таблицы на немецком языке:

«Солдатский дом 3».

«Убежище для военнослужащих».

«Казино».

На стенах плакаты. Вот изображен немец с ребенком на руках. Подпись: «Немецкий солдат — защитник детей». Женщина прошла и отвернулась: ее четырехлетнего мальчика искалечил пьяный фельдфебель.

На дверях некоторых домов значится: «Собственность германской армии. Русским вход воспрещен», или «Гражданскому населению вход в этот дом воспрещается под страхом наказания смертной казнью».

Дощечки с названиями улиц — сверху по-немецки, снизу по-русски. Комендант Курска генерал-майор Марселл заявил: «Восстановить дореволюционные названия. Никакой политики». Самая большая улица в Курске Ленинская. Прежде она называлась Московской. Генерал-майор поморщился: «Московская? Это тоже политика». Повесили новую дощечку: «Гауптштрассе — Главная улица».

Комендант города Щигры, Курской области, майор Паулинг назвал лучшую улицу города Немецкой.

Немцы заполнили Курск. Здесь стоит дивизия. Здесь базы второй германской армии. Здесь кутят штабные офицеры генерал-лейтенанта фон Зальмута. Комендант решил, что в казармах немцам «неуютно и опасно». Офицеров и солдат разместили по домам. В каждой квартире немцы.

А вот и немки. Откуда они взялись? Майор привез супругу из Гамбурга. Усмехаясь, он говорит: «Здесь спокойней...» (В начале февраля эта Гретхен спешно отбыла: она предпочла английские бомбежки русскому наступлению).

Даже мертвые немцы теснят русских. В городском парке Щигров зарыто четыре тысячи арийцев. Вместо аллей и скамеек бесконечные шеренги прусских крестов.

Ресторан для немцев. Кино для немцев. Театр для немцев. Магазин для немцев. Вокзал для немцев. Кладбище для немцев. Для русских? Ров в Щетинке — там зарывают расстрелянных.

* * *

До прихода немцев в Курске было сто сорок тысяч жителей. При немцах осталось девяносто тысяч. Около двух тысяч немцы убили, девять тысяч отправили в Германию. Свыше десяти тысяч умерли от эпидемий.

Пятнадцать месяцев куряне жили пещерной жизнью. Зимой было запрещено ходить по улицам после пяти часов пополудни, летом — после семи часов. Люди сидели в темных домах. А под окнами горланили пьяные немцы.

В комнате, где живет заведующая хирургической больницей доктор Коровина, стены изрешечены пулями. Можно подумать, что здесь шел бой. Нет, это развлекались немецкие офицеры. Выпив несколько бутылок французского шампанского, они стали стрелять в комнату, где спала Коровина с дочкой. Обер-лейтенант острил: «Мы приглашаем фрау доктор распить с нами бутылочку...».

«Только для немцев» — эти слова стояли повсюду. Написать письмо в Щигры? Почта только для немцев. Послать телеграмму в Орел? Телеграф только для немцев. Съездить в Белгород? Нужно для этого угодить немцу в комендатуре: он выдает пропуска. Счастливец будет допущен в товарный вагон: пассажирские только для немцев.

Генерал-майор Марселл любил показывать свою эрудицию. Он ссылался на старого итальянского автора Казанову: «Русские любят кнут». Русская бомба закончила земные труды генерал-майора Марселла. Новый комендант майор Флягг, когда к нему обращались с просьбой, неизменно отвечал: «Вы, кажется, забыли, что вы — русский?».

В учреждениях висели дощечки: «Пользоваться уборной русским запрещается». Очевидно, в этом сказалась мистика арийской расы...

* * *

Курян немцы убивали за городом — в Щетинке. Раздевали, потом расстреливали, кидали в ров. Убивали коммунистов и жен командиров, студенток пединститута и пленных красноармейцев, евреев и колхозниц. Убийствами ведали три конкурировавших учреждения: комендатура, гестапо и полевая жандармерия.

Двадцать пять заложников были убиты перед зданием Мединститута. Их тела лежали на мостовой: немцы запретили родным похоронить расстрелянных.

Щигры — маленький город, но и в Щиграх палачи поработали. Когда был взорван мост, немцы расстреляли пятьдесят заложников. Зверски убили братьев Русановых. Весной на центральной площади повесили шесть девушек. Когда обреченных вели на казнь, они кричали: «Женщины, стыдно быть немецкими подстилками! Наши скоро вернутся. Мужайтесь!». Немцы стояли с фотоаппаратами и гоготали.

В селе Никольском я встретил учительницу Провалову. Ее сына застрелил немец. Почему? Потому, что немцу захотелось выстрелить. В том же селе немцы убили колхозницу Воробьёву, мальчика Васю Паренева, старика Петра Фомина. Почему? Потому, что немцы наводили «новый порядок».

Немцы хотели изнасиловать Марусю Толмачеву. Девушка сопротивлялась. Ее подвесили к дереву, потом убили. Убили тринадцатилетнего Колю Толмачева, который вступился за сестру.

В Курске было четыреста евреев. Немцы их убили. Грудных детей ударяли головой о камень: экономили патроны. Среди убитых крупные врачи, известные за пределами города, Гильман и Шендельс. Убивали младенцев и девяностолетних стариков. Уходя из города, немцы вспомнили, что в больнице для тифозных лежит девушка-студентка — еврейка. Палачи пришли в палату. Больная не могла встать, ослабев после болезни. Ее убили здесь же. В Курске остался только один еврей — инженер Кисельман. Он лежал в тифозной больнице. Его спасла сиделка — сказала немцам, что он умер.

В Фатеже вели на казнь еврейскую семью. Девочка кричала: «Убивают». Убили сначала ее. Потом положили мать на тело дочери. Убили. Скинули в яму отца и закопали.

* * *

Немцы говорили: «Новый порядок — это частная торговля и товары». В Курске открылись три комиссионных магазина. Что в них можно было купить? Веер, щипцы для сыра, вазу, люстру, мороженицу.

В ларьках торговали «кустарными изделиями» — корзинами, деревянными пуговицами, эрзац-мылом, которое не мылилось. Вот и вся «частная торговля». Пятнадцать месяцев немцы вывозили из Курска и Курской области награбленное добро. Они не ввезли в Курск ни одной иголочки, ни одного перышка.

Был базар. Немцы покупали у крестьян картошку, зелень. У немцев карманы были набиты оккупационными марками. Эти бумажки не имеют хождения даже в Германии. Их назначение — придать грабежу видимость торговли. Одна оккупационная марка по приказу германского командования равнялась десяти рублям.

Куряне уходили в деревни за пятьдесят, за сто километров — тащили пожитки и меняли их у крестьян на картошку. Приходилось давать взятки немецким патрулям. Немцы брали все: картошку и соль, наволочки и детские ботинки.

Комендант Курска открыл новый способ снабжения населения: немцы сдавали в аренду городскую землю. За каждый га нужно было внести немцам 140 рублей и 10 центнеров картофеля. Майор Флягг ухмылялся: «Земля вам, картошка нам». А куряне голодали.

* * *

Немцы говорили: «Новый порядок — это частная инициатива и расцвет промышленности».

Генерал-майор Марселл вызвал одного из местных квислингов, инженера Томило: «Извольте наладить производство. Открыть мельницы—нашей армии нужен хлеб. Мастерские могут ремонтировать наше снаряжение».

В газетке «Курские известия» было объявлено, что «трикотажная фабрика возобновила работу, желая облегчить положение курян». На фабрике принимались джемперы: за солидное вознаграждение их перевязывали. По два джемпера в день... Чем же была занята трикотажная фабрика? Она изготовляла фуфайки для немецких солдат. Шерсть брали у русских крестьян. Работали русские женщины. Фуфайки носили немцы.

А частная промышленность? В Курске открылось несколько предприятий. Вот, например, курский филиал берлинской фирмы «Адольф Филипс». Во главе стоял немец Адлер. Он набрал 25 русских рабочих. Адлер забирал на бойне кожи. Немцы ели котлеты. А выделанная курскими рабочими кожа направлялась в Берлин фирме «Адольф Филипс».

Другой немец открыл валечное производство, обслуживавшее германскую армию. Фабриканты приехали с семьями. Жили припеваючи. В начале февраля они неожиданно помрачнели, стали говорить, что скучают по родине, и, собрав пожитки, уехали.

В селе Волово немец открыл колбасную фабрику. Он привез из Германии оборудование. Свиней забирали у крестьян. Работали на фабрике голодные русские женщины. Колбасу отсылали в Германию. За исчезновение одной колбасы герр колбасник высек женщину.

* * *

В русском селе Замарайке успел обосноваться немецкий помещик. Он нанял батраков, выписал из Германии молотилку.

В селе Папино немцы снесли школу и больницу. Из строительного материала крестьяне должны были строить дома для немцев. Колонизаторы устраивались надолго. Они считали, какие доходы у них будут в 1944 году. Они не забывали даже о полушках. Забыли они об одном: о Красной Армии.

В первые месяцы немцы грабили деревню беспорядочно: солдаты забирали коров, свиней, кур. Потом командование ввело «новый порядок»: грабить стали организованно. С каждой коровы нужно было поставлять немцам 720 литров молока, с каждой курицы — 190 яиц. Крестьяне говорили: «Зимой курица несется, что ли?..» За такие размышления староста сажал в холодную избу.

Крестьяне работали «общиной» — немцам было удобней стричь стадо оптом. В некоторых селах не осталось ни одной лошади. Немцы приказывали: «Поделите землю по дворам, и пусть каждый двор сдаст урожай, как полагается». Женщины тащили плуги. Староста покрикивал: «Живее — нужно государству сдать, что полагается». «Государством» этот бестия именовал немцев. В Курске находилось «викадо» — специальное учреждение для ограбления крестьян. Викадо требовало. Комендант грозился. Старосты радели. Крестьяне снова узнали крепостное право. Им оставляли по нескольку снопов на душу — как коменданту вздумается. Остальное забирали немцы.

Немцы хотели во что бы то ни стало доказать, что «новый порядок» — это рай для крестьян. Они объявляли, что такое-то село «поддерживало партизан», забирали в селе всех коров, потом «дарили» соседнему селу пять коров и об этом писали в газетках: «Мы снабжаем скотом русские деревни». В Курске немцы «дарили» русским русские дома. В селах немцы «дарили» русским русских коров и заставляли крестьян посылать «благодарственные адреса» коменданту.

Старик в селе Никольском рассказывает: «Мне восьмой десяток пошел. А они меня заставили плести валенки из соломы. Приезжал из Щигров подлец — объяснял еще, как плести. По двенадцати пар с общины. Вот такое дерьмо делать — тьфу!..»

Колхозница из села Успенки говорит: «Культур! Культур! Скажите, пожалуйста! А какая же это культура, когда они все позабирали? Платком моим и то не побрезгали. Лохмотники проклятые!»

В большом селе Вышне-Долгов немцы устроили хлебный и мясной заводы, обслуживавшие германскую армию. Согнали женщин. Забрали муку, скот. Староста был пьяницей. Бил крестьян. Когда к селу подходила Красная Армия, староста выпил бутылку горькой, запряг коня и, стоя в розвальнях, понесся сквозь буран, восклицая: «Я — второй Гитлер».

В некоторых селах избы сожжены. За что? Вот село Мишино. Один колхозник дал русскому военнопленному ломоть хлеба. Комендант приказал сжечь пять изб. «Новый порядок»!

* * *

«Мы принесли вам светоч культуры», заявил генерал-майор Марселл. В течение года все школы были закрыты. Наконец-то немцы разрешили открыть несколько эрзац-школ в пределах четырех начальных классов — майор Флягг сказал: «С русских хватит и этого».

В Курске родители попытались устроить групповые занятия детей, но комендатура запретила занятия, объявив их «незаконными сборищами».

Из библиотек изъяли почти все книги. Достаточно указать, что к запрещенным книгам были отнесены «Гаврош» Гюго и популярное изложение теории Дарвина.

В театре выступали шансонетки — для немцев. В один из кинстеатров русские имели право доступа. Там показывали фильмы, посвященные прославлению Гитлера.

Такова была культурная жизнь города, прежде имевшего несколько высших учебных заведений, прекрасный театр, два музея, богатые библиотеки.

Что принес «новый порядок» русской интеллигенции? Бухгалтер завода «Коминтерн», вместе с другими жителями Воронежа насильно эвакуированный в Курскую область, рассказывает: «В комендатуру при мне вызвали преподавателя университета. Дежурный офицер спросил его:

— Профессия?

— Астроном.

Немец рассмеялся:

— Вот как! Что же, будете чистить нужники. Правда, звезды и уборные — различные вещи, но ничего другого я вам не могу предложить.

Учительница Щигров Александра Алексеевна Козуб была направлена на земляные работы. К ней подходит офицер:

— Почему плохо работаешь?

— Не привыкла. Кирки в руке не держала.

— Что же ты делала?

— Я была учительницей.

— Удивительно! Где же тебя научили этому?

— Я училась в Воронежском пединституте.

— А я в Иене на философском факультете. Небось у вас философию не изучали?

— Изучали.

— Канта и Гегеля?

— Канта, Гегеля, Маркса, Энгельса.

— Ну, Маркс и Энгельс — это евреи. А вот интересно, хорошо ли ты усвоила схоластику?

Девушке стало тошно. Она ответила:

— У меня диалектика...

Тогда изысканный офицер ударил ее с размаху по обеим щекам. Так закончился философский разговор в Щиграх. Мне рассказала о нем честная советская учительница Козуб, которая предпочла кирку измене и правду немецкому «философу».

* * *

Закрыли школы. Закрыли театры. Закрыли библиотеки. Что они открыли? Дом терпимости на улице Невского. Открыли торжественно. Герр доктор Фогт произнес речь: «Мы несем веселье в ледяную пустыню».

Они не принесли веселья. Они принесли заразу. Перед войной в Курске совершенно исчез сифилис. Немцы заразили Курск. По немецкой статистике среди гражданского населения регистрировались в декаду от 70 до 80 случаев заболевания венерическими болезнями. Больных отправляли в городскую тюрьму. Свыше сотни из них немцы убили. Эти сифилитичные павианы оставили после себя не только развалины и ров в Щитинке. Они оставили страшную заразу.

* * *

Помимо венерических болезней немцы принесли эпидемию дифтерита. Прививок не было, и смертность среди детей от дифтерита дошла до 60%. На почве голода, скученности, грязи рос сыпняк. Я видел одного из предателей, врача Кононова, члена «городской управы». Он должен был, якобы, заботиться о здоровье населения. Он заботился об одном: как угодить своему начальнику, немецкому врачу Керну. До немцев Кононов пил русскую горькую. После прихода немцев он стал пить шнапс. Он говорит: «Доктор Керн был культурным немцем, хорошим врачом, отзывчивым человеком»—хозяева убежали, но лакей по привычке еще кланяется. Я спрашиваю Кононова:

— Что же вы лично сделали для жителей?

— Много. Доктор Керн мне говорил: «Зачем вы так возитесь с гражданским населением?..»

Вот он, «культурный немец» и «отзывчивый человек». Больных не лечили. На дверях вывешивали по-немецки: «Здесь заразные. Вход военнослужащим воспрещается». Немцы хотели заражать, но не заражаться.

г. КУРСК.

Военнопленные умирали на глазах у населения. Повсюду немцы расклеили плакаты: «Сдавайте теплую зимнюю одежду для русских военнопленных вашему старосте». (Старосты были в городах — на каждой улице). Старосты сдавали теплую одежду коменданту. Комендант распределял ее между немецкими солдатами.

Страшное зрелище представляют собой лагери: морозные грязные бараки. Надписи «для русских», «для украинцев», «для тюркских народов», «для тифозных». Кормили жижей — картофельная кожура. Били. Заставляли рыть укрепления. Русские глядели на агонию русских и не могли им помочь. Это было моральной пыткой.

* * *

Слова молитвы «О победе христолюбивого воинства» немцы приказали заменить: «О победе германской армии». Одна старушка осмелилась сказать: «Не могу я молиться за победу немцев — у меня три сына в Красной Армии». Строптивую высекли.

* * *

В Курске немцы нашли несколько квислингов. Бургомистром был назначен некто Смялковский, воспитанник духовной семинарии Киева. Он получил от немцев дом, блок-ноты с фирмой «Бургомистр города Курска» и даже автомобиль. Он оставил дом и блок-ноты и на машине уехал в Льгов.

Городская управа заседала раз в месяц под портретом Гитлера. Тирольский шпик был изображен в красках с подписью «Адольф Гитлер освободитель». В присутствии немцев члены городской управы стояли.

Я видел заместителя бургомистра инженера Алексея Кепова. Почему он не удрал вместе с немцами? Кепов объясняет: «Не хотел ставить на битую карту. Решил сыграть ва-банк». У него мирные картежные термины и угодливые глаза. Но месяц тому назад он еще выдавал немцам русских. Я спрашиваю его, что он чувствовал, когда Красная Армия подходила к Курску? Предатель глядит на меня пустыми, тусклыми глазами и отвечает: «Не скрою — животный страх». Он бормочет: «Немцы меня обманули»... В чем? Может быть, господин заместитель бургомистра обижен на высокомерие герра Бурхардта? Может быть, герр Кепов считает, что немцы должны были ему дать автомобиль? Но немцы бросили в Курске до тысячи груженых вагонов. Им было не до лакеев. Они выкинули предателей, как выжатые лимоны.

* * *

Немцы закрыли все учебные заведения. Но в Щиграх они открыли «курсы для полицейских». Они учили стрелять, арестовывать, реквизировать, вешать. Передо мной своеобразный документ — послание курсантов третьего выпуска коменданту Паулингу: «В полном сознании громадной ответственности за выполнение возложенных на нас обязанностей мы говорим вам, господин комендант, спасибо»...

Передо мной и автор этого послания некто Колосков. Он прикидывается ребенком, твердит о своей «безмозглости». В его глазах злоба и страх. «Победоносная германская армия», убегая, оставила Колоскова. Курсантов учили пытать и расстреливать русских. Летать их не научили. Напрасно они попытались бежать по сугробам...

Тихо в комнате. Тихо и душно. Темная животная тоска идет от согнутой спины изменника. Нет ничего страшнее предательства: оно убивает человека до смерти. Передо мной живой труп, тряпичная кукла, грошовый паяц. Я говорю: «Вы понимаете, что вы предали Россию?» Он шевелит губами: «Да».

* * *

Смазливая девушка. Выщипанные брови. Карминовые губы. Прежде она была студенткой Курского пединститута. Ее соблазнили подачки немецких офицеров, танцы, французское шампанское. Ее соотечественники пятнадцать месяцев мужественно сражались. Люди отдавали свою жизнь, чтобы освободить Курск. А она услаждала палачей своего народа. Она сейчас сидит у себя в комнате и плачет. Позднее раскаяние. Измена, как ржа, разъела ее сердце. На улице праздник, люди смеются, обнимают бойцов. А она сидит в темной комнате и плачет. Она стала отверженной — для себя самой, и нет кары тяжелее.

* * *

Двадцать тысяч юношей и девушек немцы вывезли из Курской области в Германию. Девять тысяч они вывезли из Курска. Что сулил «новый порядок» этим злосчастным? Прежде мы читали письма, проникавшие из Германии. Здесь мы видим живых свидетелей.

Илья Урютов был рабочим на металлургическом заводе. Весной его отправили в Германию, в Брауншвейг. Там его вместе с 800 другими русскими поместили в лагерь. Рабы работали на заводе, жили в лагере. В день давали по 200 граммов хлеба и литр баланды. Охраняли лагерь эсэсовцы. За малейшую «провинность» они избивали русских. Многих покалечили. Из 800 за пять месяцев 250 умерли — от голода, от болезней, от побоев. Урютов заболел эпилепсией — ему повезло: его отправили домой. Молодой человек, он стал дряхлым стариком.

Уборщица Пенькова спасла своего сына: напоила его перед медицинским осмотром табачным настоем. Но дочь Пеньковой семнадцатилетнюю Тамару немцы взяли. Она рассказывает: «Везли нас, конечно, в телятниках под охраной. Привезли в город Линц, в Австрию. Там приходят немцы и немки — осматривают, ощупывают, как скот. Там было две тысячи девчат и парней. За невыполнение нормы — по сто двадцать розг. А кормили так — бурда на репе и все. Я, конечно, комсомолка и мне эта жизнь не подходит. Не могу я их эсэсовцам кланяться. Со мной двоюродная сестра была. Я говорю: «Убежим». Подобрали компанию. Четыре девушки и трое парней. Мы шли до Бреста восемнадцать суток. Пока по немецкой земле шли, обходили деревни. А поляки нас кормили, как могли. В Бресте мы отдали все вещи, даже валенки, одному немцу. Он нам пропуск в Курск дал...»

Немногим повезло, как веселой и смелой Тамаре. Другие еще томятся в немецком рабстве. Мы знаем теперь, что такое «новый порядок». Он существовал много тысяч лет тому назад. Тогда его называли «торговлей рабами».

* * *

Упорно и мужественно куряне ждали пятнадцать месяцев дня освобождения. Немцы издавали две газетки. Они старались убедить курян в немецкой победе. Но иногда с неба падали листовки. Их подбирали дети, несли домой, и вот город обходила радостная весть: «наши держатся», «немцев отогнали от Москвы», «заводы работают на Урале...» У штабных офицеров были приемники. Уходя из дома, немцы выключали аппараты. Но русские научились их включать. Слушали Москву, и снова надежда раздувала сердца.

С декабря немцы приуныли. За их лицами следили тысячи глаз: уныние немцев было надеждой курян. В сентябре, в октябре, в ноябре герр обер-лейтенант каждый день говорил пятнадцатилетней Варе: «Сталинград капут». В декабре он примолк. В январе Варя стала пытать офицера: «Ну, как Сталинград? Капут?» Офицер молчал. Однажды вместо ответа он отпустил девочке пощечину. Варя рассказывает: «Господи, как я обрадовалась! Побежала к маме, говорю: кончено их дело. Капут немцам. Видишь, как он мне залепил? Значит, у них со Сталинградом ничего не вышло...»

Куряне не только ждали. Куряне боролись с захватчиками. Железнодорожники взрывали немецкие паровозы. Девушки переправляли оружие. Партизаны убивали немцев.

Вот рабочий Бабкин. Он был во главе отряда. Мягкое русское лицо. А этот добряк отравил немцам немало крови. Он подготовлял взрывы на вокзале, отвозил в Фатеж оружие, помогал пленным перейти линию фронта. Он рассказывает: «Везу я оружие. Вдруг немец. Я, конечно, соли прихватил — будто еду менять. Бумажка у меня с печатью, сам чорт не разберет. Но немцу что печать, он на соль уставился: «Дай». Я ему бы рад всю отдать, нельзя — заподозрит. Торговался — на тебе стакан. Обошлось. А вот вы нашего попа навестите, замечательный поп...»

591008

Священнику Павлу Говорову шестьдесят семь лет. Русский человек, он любит родину. Он был связан с партизанами. Он прятал у себя наших летчиков, переодевал их, помогал им перебраться через фронт.

Комсомолка Зоя Емельянова — студентка пединститута. Это серьезная, смелая женщина. Ее муж—командир Красной Армии. Когда немцы вошли в Курск, у Зои родился ребенок. Но это не помешало ей войти в партизанский отряд. Она доставляла партизанам оружие. Она говорит: «Я знала, что наши вернутся. Твердо знала, как то, что я — я». Большая сила в ее глазах. Это сила верности.

Доктор Коровина — немолодая женщина. Беспартийная. Она работала в хирургической больнице. Там лежали раненые русские — командиры и бойцы. Коровина разговаривала с ними, проверяла их душевное состояние, потом спрашивала: «К нашим хотите?» Она помогала уйти из-под стражи. Каждый день рисковала жизнью, но знала: помогаю братьям обрести свободу. Это сознание ее поддерживало в самые горькие минуты. Сейчас она радуется, как ребенок: «Наши в Курске!» Значит, не напрасно она ждала. Не напрасно связалась с партизанами.

Когда мы говорим о слезах радости, с которыми встречает Красную Армию население освобожденных городов, это может показаться формулой. Но доктор Коровина плакала от радости. И Бабкин. И старый священник Говоров. И комсомолка Зоя. И тысячи, тысячи людей. Эти слезы, как жемчуг: они красят. Кто пережил такие часы, поймет все без слов.

* * *

Немцы, уходя из Курска, сожгли или взорвали все большие дома. Прекрасные здания мединститута и пединститута, собор, гордость города — новый цирк, дом обкома — бывшее дворянское собрание, все школы города, все многоэтажные жилые дома, театр, все это уничтожено немцами.

Даже в Щиграх не осталось ни одного большого дома: немцы, отступая, сожгли все. В деревне Тимирязевка была новая хорошая школа. Немцы устроили там лазарет. В школе лежали раненые немцы — восемнадцать человек. Убегая, немцы взорвали школу со своими ранеными. Они верны себе до последней минуты.

Они начали убираться из Курска заблаговременно — после разгрома у Касторного. Уехали немецкие дамы из «Казино», которые били по щекам русских уборщиц. Уехали господа промышленники. Уехали штабные офицеры. Но Красная Армия подошла к леску, где находились немецкие укрепления, раньше, чем рассчитывали немцы. Дома они сожгли, но на вокзале они оставили девятнадцать паровозов и около тысячи вагонов с добром. Они подвесили к мосту авиабомбы, а взорвать мост не успели.

В домах были спрятаны немецкие автоматчики. Шли уличные бои. Погиб любимец бойцов полковник Перекальский — он шел в боевых порядках. Наконец, город был очищен от врага. Торжественно куряне похоронили полковника Перекальского — в сквере перед театром. Был митинг. Генерал-лейтенант Черняховский сказал: «Куряне, ваш прекрасный город немцы осквернили. Теперь Курск снова стал советским»... И лились слезы радости. Курск возрождался к жизни.

Древний русский город, он сиял в одиннадцатом веке. Во время нашествия Батыя Курск был предан огню и мечу. Двести лет спустя он снова отстроился. Он был русской крепостью, оплотом против набегов южных кочевников. Потом он стал мирным и тихим городом с большими тенистыми садами, с молодежью, которая училась, мечтала, росла в его садах. И вот Курск снова подвергся нашествию варваров. Пепел, щебень, мусор, железный лом, скелет города — вот что принес курянам «новый порядок».

А жизнь начинается. Уже вышел крохотный номер «Курской правды» — в полевой типографии. Городскую типографию немцы взорвали. Уже восстановлена работа электростанции. Уже пекут хлеб в пекарнях. А на могиле героев — цветы среди снега...

Части Красной Армии прошли на запад. Но люди не забудут трагедии Курска. Теперь каждый боец знает, что такое немецкая оккупация. В Можайске, в Ельце, в Калинине были кратковременные налеты. Здесь было долгое рабство—почти пятьсот дней немецкой неволи. Здесь немцы успели насадить «новый порядок». Здесь они убивали с расстановкой. Здесь они заражали планомерно. Здесь они издевались по плану — по декадам, по месяцам, по семестрам. Мы жадно смотрим на запад. Мы знаем теперь, что творится в Гомеле, в Брянске, в Киеве. Мы все знаем. В ком есть толика любви к своей стране,

11348

к своему народу, до смерти не простит немцам Курска. Нет с ними у нас жизни. Нет нам жизни, пока мы их не уничтожим. Мы соберем все документы, все фотографии, все рассказы очевидцев. Мы устроим страшный музей «нового порядка» — память о злобных дикарях двадцатого века. Пусть помнят люди и пусть помнят народы: это было.

Мы идем судить преступников. И последнему из них мы напомним: это тебе за «новый порядок».

гор. КУРСК.

*

21

Тираж 150.000. Издательство «ПРАВДА». Цена 30 коп.

А5263. Подписано к печати 31/VIII—44 г. Заказ 2002.

Типогр. газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.